

## ТЕМА ГЕНОЦИДА АРМЯН В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1985—1994 гг.)\*

Г. Г. МАХМУРЯН

В теме геноцида армян имеются аспекты, объединяющие как источниковедение, так и политологический анализ проблемы. К таким аспектам относятся материалы Разведки США. Последняя склонялась к плану В. Вестермапа и предлагала отдельное Армянское государство под защитой одной из Союзных Держав. Однако итоговые «Наброски экспериментальных докладов и рекомендаций» предлагали «по меньшей мере автономию для Армении, а также защиту Палестины, Сирии, Месопотамии и Аравии цивилизованными нациями».<sup>38</sup> И если Армен Ованнисян обозначил два основных подхода Разведки к Армянскому вопросу и ее большую радикальность в сравнении с позициями Госдепартамента, то Армен Айрапетян выявил на материале Национального архива США противоречия между местными и обобщающими отчетами из описи «Внешняя политика Турции в 1910—1929 гг.». Выделив одну из четырех тем описи—расовые проблемы и преследования христианского населения, он дает обзор 520 документов, включая 77 консульских докладов.<sup>39</sup>

Автор подразделяет все материалы на 4 группы: ранние донесения, реализация геноцидного плана, деятельность по оказанию помощи выжившим, ретроспективное осмысление происшедшего в лице консулов и миссионеров—и публикует объемную подборку сообщений с 27 апреля 1915 по 4 марта 1918 г.

Переходя от источниковедческого к политико-социологическому анализу темы, отметим прежде всего сборник материалов международной конференции «Геноцид армян: история, политика, этика», проведенной в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса в апреле 1989 г. Отредактированный Ричардом Ованнисяном и снабженный приветственным посланием губернатора штата Джорджа Декмеджяна сборник содержит 14 докладов ученых из США, Австрии, Греции<sup>40</sup>. В нем Р. Мелсон, С. Астуриян и Дж. Рейд анализируют взаимосвязи между застывшими формами государственного управления, реформаторско-революционными кризисами и геноцидным насилием. Р. Смит и В. Гуроян обсуждают морально-этические аспекты памяти и отрицания этой трагедии. В. Дадриян, А. Хёсс из Австрии, И. К. Хассиотис из Греции и С. Э. Моранян изучают архивные свидетельства. Дональд и Лорна Миллеры, а также Р. Ованнисян обратились к устной истории и

\* Начало статьи см. «Историко-филологический журнал», 1995, № 1.

<sup>38</sup> А. К. Hovannisian. Op. cit., p. 158—159, 161—162; L. E. Gelfand. Op. cit., p. 253; N. A., D. S., R. G. 59 Inq. Doc. 42 p. 1; 45, 46, 85, 450, 473, 500, 606 p. 7—8.

<sup>39</sup> A. Haïrapetian. „Race Problems“ and the Armenian Genocide: The State Department File. — „Armenian Review“, vol. 37, 1984, № 1, p. 41—145.

<sup>40</sup> The Armenian Genocide. History, Politics, Ethics. Ed. by R. G. Hovannisian. N. Y. St. Martin's, 1992.

аспектам психологии. К. Фосс дает обзор стереотипа Армении и армян в турецкой историографии. Р. Пирумян и Л. Алишан представили отражение памяти о трагедии в армянской художественной литературе.

Один из лидеров по сравнительной политологии геноцида Роберт Мелсон определяет его как «государственную политику, направленную на устранение гражданских общин, отличающихся по *этно-религиозному* признаку, отчасти объединившихся и уподобившихся своей социальной среде». Он рассматривает революцию как международную и гражданскую войну, осуществляемую в русле идеологии, позволяющей и поощряющей насилие. Причем, говорит другой лидер-виктимолог Ваагн Дадриян, гражданская война — это «вооруженное столкновение между группами или слоями общества, отражающее бессилие или гибель центральной власти», геноцид же является односторонним насилием государства над беззащитным гражданским населением.

Р. Мелсон указывает, что когда империя не может успешно провести реформы из-за сопротивления внутренних консервативных сил, она начинает разрушаться в ходе войн и революций. Если же меньшинства в противоречие общей ситуации успешно пользуются новыми возможностями и ускоренно развиваются, то новые радикально построенные власти могут направить на них крупномасштабное насилие. Ведь «революция сама по себе является узаконенным насилием, которое и является источником власти». Война же воплощает политику насилия в действительность, и она приносит победу наиболее последовательным идеологам и успешным практикам применения насилия в жизни.

Виктимологи разделились на две группы: если Л. Давидович, Я. Флеминг подчеркивают государственный *замысел*, порождающий соответствующую идеологию ненависти, то функционалисты Р. Гильберг и Х. Арсндт ставят на первое место фактор пропаганды. Поскольку насилие оценивают положительно — оно может быть направлено на кого-угодно. В этом случае особенно важно состояние *среднего и нижнего слоя* управления государством, осуществляющего распоряжения сверху. Если интересы общества вступают в открытое противоборство — его специальные органы становятся карательными, *централизующими власть и ресурсы*, а не распределяющими их<sup>41</sup>. И чем меньше удаются мягкие решения, тем жестче становится общая политика.

Государственный аппарат Османской Турции не мог быть эффективным и гуманным, поскольку отсутствовали другие объективные факторы интеграции — хорошие дороги, единая система торговли и связи, развитое финансовое обращение, экономически целесообразная специализация при относительно однородном уровне цен и доходов.

Причем если в случае с геноцидом евреев авторы выделяют идеологические ценности и потребности *исполнителей*, то в истории 1915—1923 гг. упор делается на провоцирующее поведение самих *жертв*, с чем Р. Мелсон категорически не согласен. Он дискутирует с функционалистами, указывая, что главной целью революции 1908 г. было превратить всех османских подданных и мусульман — в турок. Младотурки реагировали не на реальную угрозу, а на будущее — они приписывали армянам логику своих собственных планов и желаний. По мнению Р. Мелсона поведение армян не было необычным или провоцирующим, хотя он и не предлагает жертве пассивно исполнять роль козла отпущения. Исследователя интересуют исторические условия, в

<sup>41</sup> Ibid., p. 80, 84, 92—93.

которых агрессивные силы могут прийти к власти, отказывая иным национально-религиозным слоям в подобии и равенстве себе, в доступе к средним и высшим классам общества. По теории Вебера, революция как насилие может применяться не только к политическим врагам, но и против порождающих их социальных групп и слоев.<sup>42</sup> Политолог отмечает, что группа жертвы как правило не является ответственной за революционный кризис, порождающий атмосферу страха, подозрения и ненависти. Добавим, что *не являясь* причиной, хозяевами или *решающей силой* реформ и революционного процесса, подобные группы *становятся их активными участниками*, а это еще опаснее. Если же в таких условиях жертва действительно имеет зарубежные связи или какое-то отношение к сплотившимся врагам государства — то условия войны создают хорошую почву для ее уничтожения.

Аналогичную концепцию предлагает и И. Л. Хоровиц, также сравнивающий геноциды армян и евреев. Из его 8 характеристик Истребления наиболее интересны первые два пункта определения. П. 1 отмечает, что евреи мешали установлению нацистского режима, так как были одновременно силой и законотворческой, и революционной. Причем создававшиеся ими законы шли вразрез с настроениями и потребностями большинства. П. 2 отмечает, что массовое уничтожение этно-религиозных слоев общества часто следует за поражениями в крупных битвах или войнах. Истребление «внутреннего врага» стало настоящей целью нацистов с 1944 г., хотя пропаганда продолжала говорить о задаче победить Россию.

Вместе с тем, теоретик впадает в ряд противоречий. Так он вместе с Элен Файн и Р. Смитом боится утверждений об «избранности» своего народа, ибо исключительность в жизни может привести и к исключительности в смерти. Вместе с тем, в п. 6 он склонен оценивать геноцид армян 1915—1923 гг. как локальное явление. Правда он оговаривает, что в ходе II мировой войны неправомерно говорить только об Истреблении евреев, ведь рядом уничтожали и славян, особенно поляков, белорусов. Одновременно И. Хоровиц соглашается с другим теоретиком — Лео Купером в скептическом отношении к возможности предупредить угрозу силами имеющихся международных институтов.<sup>43</sup>

С точки зрения кризиса культур подходит к этой же теме В. Дадриан. Он пишет, что в обществе, где нет единства, разные национальные меньшинства могут приобретать различную специализацию. В стабильных условиях это не создает особых проблем. Но в условиях острого кризиса резко нарушаются внутренние связи. В системе может возникнуть *синдром угрозы*, когда власти начинают искать *быстрого и радикального спасения*. Реформы чаще нужны разнородному, гетерогенному обществу, которому объективно приходится решать больше задач. Однако при углублении кризиса *причина* изменений может слиться с *их целью*.

<sup>42</sup> Ibid., p. 91, 96.

<sup>43</sup> Irving Louis Horowitz. Genocide and the Reconstruction of Social Theory: Observations on the Exclusivity of Collective Death.— „Armenian Review“, vol. 37, 1984, № 1, pp. 3—6, 10—11, 27; Leo Kuper. Genocide. Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven. Yale University, 1982; L. Kuper. The Prevention of Genocide. New Haven: Yale University, 1985; Helen Fein. Accounting for Genocide: National Responses and Jewish Victimization During the Holocaust. N. Y., The Free Press, 1979, ch. 1; Roger W. Smith. Genocide and Denial: The American Case and Its Implications.— „Armenian Review“, vol. 42, 1989, № 1, p. 1—38, 35.

Угрозу конфликта можно прогнозировать по предварительным, эпизодическим насилиям, разрушающим также экономический потенциал этносов. «Существует определенная корреляция между масштабами геноцида и общих разрушений в системе». При «внутреннем», «домашнем» геноциде большинство властных групп создает *циррихию культурных ценностей*. В высших из них меньшинству отказывают, и чем абсолютнее отказ, тем суровее обращение, а в основе враждебности скрывается *стрессовая безысходность* кризисной ситуации»<sup>41</sup>.

Обращаясь к теологическому аспекту темы, автор указывает, что «даже демократическая система может восстать против меньшинства, создающего угрозу самим *основам* своего устройства». По его оценкам евреи отказывают Христу как воплощению человека в божественной сущности, армяне же стали отказывать в божественности человеческой силе. Поэтому первых стали обвинять в нарушении этики труда и эксплуатации других, а армянам отказывали в чувстве собственного достоинства и самостоятельности. Там, где социальные слои становятся тесно привязанными к символам, культурным нормам и чертам психологии, во-первых, нивелируется значимость отдельной личности, а во-вторых, меньшинство «считает себя более отличающимся от других, чем это есть на самом деле»<sup>45</sup>.

Говоря об угрозе рецидива, социолог отмечает, что дело не обязательно доходит до геноцида. Помимо ограниченной резни, более мягкими формами становятся уничтожение лидерства, социально-экономическое сокращение, рассеяние больших групп населения. Возможны также информационно-коммуникативная изоляция, языковой прессинг и т. д.

Что же касается отрицания геноцидных акций в последующем, то в политике — напоминает Р. Смит — оно может быть высоко эффективным. Политика имеет дело не столько с истиной, сколько с тактическими интересами, вопросами безопасности, доступа к основным ресурсам и обеспечения доходов. США первыми поддержали в 1920 г. турецкую кампанию отрицания геноцида, поскольку «в 1920-х и 1930-х гг. американские интересы в Турции включали в себя нефть, торговлю и деятельность миссионеров. Сегодня они включают военную безопасность в Европе и на Ближнем Востоке, сбор стратегической разведывательной информации, внутреннюю стабильность Турции и торговлю». Уже в 1922 г. руководитель Ближневосточного бюро Госдепартамента и будущий директор ЦРУ Аллен Даллес отмечал: «Наша задача [остановить публикации о возобновившихся зверствах против армян] была бы простой, если бы сообщения о злодеяниях можно было назвать истинными или хотя бы преувеличенными, однако свидетельства, к сожалению, неопровержимы». Хотя «я постоянно был занят тем, чтобы предотвращать резолюции Конгресса с выражениями сочувствия этим группам».

<sup>41</sup> V. Dadrian. Some Determinants of Genocidal Violence in Intergroup Conflicts—With Particular Reference to the Armenian and Jewish Cases. „Sociologus“. A Journal for Empirical Ethno-Sociology and Ethno-Psychology, vol. 26, 1976, № 2, p. 135, 137—138, 145.

<sup>45</sup> V. N. Dadrian. The Convergent Aspects of the Armenian and Jewish Cases of Genocide. A Reinterpretation of the Concept of Holocaust. „Holocaust and Genocide Studies“, An International Journal N. Y., vol. 3, 1988, № 2, p. 151—169, 154.

Исторический факт арменоцида—добавляет В. Гуроян—признали президенты Теодор Рузвельт, Вильям Говард Тафт, Вудро Вильсон, Уоррен Гардинг, Герберт Гувер и Джимми Картер. Зафиксирован он и в Резолюции Сената № 359 от 13 мая 1920 г., в которой говорится: «Свидетельства... явно установили истинность сообщений о резне и других злодеяниях, от которых пострадал армянский народ».

Обращаясь к моральным факторам отрицания геноцида, Р. Смит напоминает: «Война с соседними странами, угроза внешнего вторжения, переход большого числа беженцев через границы, потребность в больших объемах гуманитарной помощи, усилия по новому благоустройству людей, которые могут длиться годами—вот лишь немногие его последствия. Между тем, исполнители геноцидных акций обычно рассматривают их... как почти что качественную характеристику суверенитета. Рассматривая подобное преступление, конечно нужно заслушивать обе стороны, однако невозможно требовать, чтобы обвиняемый мнялся на суде местами с потерпевшим»<sup>46</sup>.

В терминологическом аспекте отметим, что Р. Смит склонен отождествлять понятия геноцида культуры и этноцида, а Виген Гуроян вводит разные понятия Егерн и арменоцида. Еще одно понятие—Агет или катастрофа—используют Степан Астуриян и Рубина Пирумян. Как представляется, наиболее спорной выглядит терминология первого автора, поскольку геноцид культуры как разрушение коллективных ценностей и опыта может носить скрытый, длительный характер. Определения арменоцид и Егерн кажутся наиболее приемлемыми. Что же касается употребляемого С. Астурияном термина Агет, то он выглядит недостаточно четким. В армянской виктимологии это может относиться и к крупным стихийным бедствиям типа землетрясения 1988 г., и т. д. Автор также считает, что до XIX века управление Османской империей было внациональным, сосредоточившись в руках мусульманской элиты. Такой подход оставляет в тени милитаристскую суть этого государства, где военная элита была все же турецкой, при значительной курдской военной прослойке среднего и низшего звена.

С. Астуриян дает политологическую характеристику эпохи Танзимата 1839—1876 гг.; гамидовской Реставрации 1876—1908 гг. и правления Иттихада с 1908 по 1915 гг. Исследователь отмечает, что в первую очередь прозападным реформам танзимата сопротивлялся религиозный истеблишмент и турецкая элита в целом. Он положительно оценивает тот факт, что с утверждением Армянской национальной Конституции 1863 г. общественной жизнью армян стало руководить гражданское, демократическое, европейски образованное эснафство. «взявшее верх над консервативным слоем банкиров и промышленников-технократов—амира, а также его союзником высшим духовенством».

Данную победу можно высоко оценивать в культурологии, но политологу вряд ли стоит ее переоценивать. Ведь амира и владыки церкви были носителями хоть каких-то основ государственно-стратегического мышления и централизации общины. К тому же, их консерватизм был ближе к мировоззрению турецкой элиты и уменьшал напряжение поляризующегося общества. В период Реставрации, справедливо отмечает американский специалист, «благотворительный» деспотизм турок не хотел трансформироваться в «общество равных возмож-

<sup>46</sup> R. W. Smith. Op. cit., p. 18, 21—24; R. W. Smith.—In: The Armenian Genocide, p. 5; V. Guroian. The Politics and Morality of Genocide, ibid., p. 337.

ностей», а погромы 1894—1896 гг. носили ярко выраженные экономические и демографические цели. «Теперь, благодаря мудрым шагам, предпринятым Его Высочеством, мусульманам повсеместно обеспечено большинство (населения)»<sup>47</sup>.

Младотурецкое правление покончило с либерализмом реформ. Оно выработало идеологию и экономическую теорию решения проблем своего разнородного общества. Если Иттихад представлял национализм и централистские тенденции, то оппозиционный Иттилаф защищал либерализм, децентрализацию и реальное равенство для нетурецких народов. Поскольку данная дискуссия закончилась в январе 1913 г. военным переворотом Энвера — стало ясно, что реформы сменятся репрессиями. Кроме того, эта дискуссия 1908—1913 гг. о равенстве для немусульман свидетельствовала, что восстановленная младотурками Конституция 1876 г. была только фикцией. Ведь ее ст. 17 гласила, что «все османы равны перед законом. Они имеют одинаковые права и обязанности перед страной, невзирая на религиозные предубеждения»<sup>48</sup>.

С. Астурия характеризует вклад каждого из столпов пантюркизма — Юсуфа Акджур (1876—1935 гг.), Моиза Коена (он же Текни Альп, 1883—1961) и Зия Гекальпа (1876—1924) — в создание общей идеологии. Если Ю. Акджура развивал концепцию политической нации как принадлежности к расе, языку и традициям тюркизма, то Моиз Коен предложил две программы освоения Турана как ойкумены турецких народов. Программа-минимум говорила об «относительно легко достижимом «малом Туране» от Истамбула до озера Байкал... и от Казани до Монголии». Программа-максимум предусматривала создание «Великого Турана» «огнем и железом». Новую империю нужно было создавать войной, тотальной тюркизацией всех меньшинств и объединением их в единое государство. Он же настойчиво требовал бойкотировать магазины нетурок и нетурецкие товары, если их можно заменить продукцией единоверцев или тюрков. А. Мехмет Зия Гекальп воспел расширение османского владычества путем кровопролития, уничтожения иных народов и отказа от морали.

Малоисследованный аспект соответствия идеологии и османской военной доктрины представил в своем докладе Джеймс Дж. Рейд, для которого милитаризм является сутью Турецкой империи. «Для того, чтобы уничтожить народ, мало слов. Для этого нужен военно-бюрократический аппарат». Он отмечает, на наш взгляд, главное противоречие в османской системе правления, приведшее к геноциду — только армия после 1908 г., и особенно после младотурецкого переворота 1913 г. стала активно и целенаправленно проводить внутренние реформы по западному образцу. Она взяла на вооружение как прусскую структуру армии, так и доктрину тотальной войны Г. фон Мольтке. Подобная война направлена на разрушение не только вооруженных сил, но и всего экономического потенциала, коммуникаций и образа жизни противника. Она требует быстрой мобилизации и атаки, прежде чем противник успеет эффективно среагировать, выполнения серии маневров по его окружению и массированному обстрелу с завершаю-

<sup>47</sup> Ibid., p. 57, 61—62, 77; Baron W. Giesl Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. Berlin, Verlag Fur Kulturpolitik, 1927, S. 120.

<sup>48</sup> The Armenian Genocide, p. 53, 67—69, 77; A. Schopoff. Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie: 1673—1904. Paris, Librairie Plon, 1904, p. 193. См. также: Ю. А. Петросян. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., Наука, 1990, с. 168—186.

щим уничтожением противостоящих сил. Такая доктрина делала легальным массовое уничтожение гражданского населения, не принимающего участия в боевых действиях.

Сама армия строилась не только по принципу трехчленной системы со множеством относительно самостоятельных родов войск. Самое существенное — тотальная армия планировалась как сознательный и самостоятельный участник военно-политического кризиса, предназначенный для агрессии и способный в случае необходимости действовать без приказов извне. Причем такая самостоятельность не означала самостоятельности, а позволяла вести двойную и тройную игру в условиях, когда страна терпела серьезное военное поражение или политический крах. Подобная стратегия не снимала полностью вопросов внутреннего соперничества и угрозы гражданской войны, однако распределение ролей еще до кризиса позволяло значительно снизить возможность такой угрозы. Кроме того, турецкая армия объединила доктрину тотальной войны с исламской военной традицией джихада, хорошо подходящей для партизанских методов борьбы и для наиболее жестких методов ведения схватки.

С поражением в греческой национально-освободительной войне 1826 г. и роспуском янычарского корпуса турецкая армия формируется из регулярного *низама* или *редифа* и нерегулярной кавалерии *башибузуков*. Если низам служил центральной власти, то кавалерия обслуживала кадровую армию и губернаторов в вилайетах. С Абдул-Гамида II (1876—1908 гг.) башибузуки трансформируются в полуавтономные политико-военные организации *деребеев*, представлявшие племенных вождей и другие местные силы. В свою очередь, доктрина Г. фон Мольтке вычленила в армии действительную службу *низама*, резервные силы *редифа* и ополчение пожилых мужчин *мустафиз*. Поскольку самым слабым местом был офицерский корпус, уже с 1875—1878 гг. европейские наемники начинают занимать вплоть до высших постов в турецких вооруженных силах. Воюя с европейскими державами, Турция всегда использовала европейцев-наемников и имела заметные контингенты проевропейски настроенных турецких офицеров.

Как отмечает Дж. Рейд, применение низама всегда означало воплощение в жизнь тактики на уничтожение. В этом ему ассистировали редиф и нерегулярная кавалерия. Понятно, что с упадком империи и ослаблением других его объединяющих факторов, армия становилась единственной силой, на которой держалось единство государства и выполнение приказов в нем. Американский востоковед отмечает, что карательные действия турецкой армии внутри страны в XIX веке вступали в противоречия с шариатом — ведь джихад требовал защищать людей Книги — христиан, евреев, зороастрийцев, если они признают мусульманское правление, платят подушный налог и не оказывают сопротивления. Участие регулярных и нерегулярных частей в нападениях на армян, греков, несториан, их участие в погромах и резне были нарушением мусульманских норм закона. И никакие фабрикация материалов о шпионаже христиан не спасали общей ситуации.

Обращаясь к истории геноцида армян, исследователь отмечает, что уже за целое столетие до крупномасштабного нападения на людей в 1914—1918 гг., армянские села подвергались атакам со стороны банд и нерегулярной кавалерии *зипти* в рамках концепции «Малой войны». Резня и разрушение сел как политика малой войны особенно усилились с 1853 г. вместе с провалом той части военной реформы, которая предусматривала создать современную кавалерию. Ее типичным образцом была резня 1894—1896 гг., осуществлявшаяся силами курдских пр-

регулярных частей *галидие*, поддерживаемых по необходимости силами действующей армии. С началом первой мировой войны аналогичным примером малой войны стали события октября 1914—марта 1915 г., когда от 4 до 6 тыс. солдат регулярной армии, поддержанные жандармерией, прошли маршем по Зейтуну, нанеся разорение сел этого края, убийства и депортацию его жителей.<sup>49</sup>

С военно-стратегической доктриной тесно взаимосвязана демографическая политика Османского государства. Поэтому книга Левона Марашляна «Политика и демография. Армяне, турки и курды в Османской империи» (Кембридж, Институт Зоряна, 1991 г.) посвящена анализу численности армян в этой стране. Автор сравнивает официальные турецкие переписи населения с их отражением в работах Кемала Карпата «Османское население, 1830—1914 гг.: демографические и социальные характеристики» (Медисон, Висконсинский университет, 1985 г.) и Джастина Маккарти «Мусульмане и меньшинства: последние османской Анатолии и конец империи» (Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет, 1983 г.). К основному изданию Дж. Маккарти, получившему интенсивное обращение вплоть до Государственного департамента, он добавляет и другие его публикации.<sup>50</sup>

Весь объем этих разысканий посвящен той теме, что армян в империи никогда не было, а если и были, то так мало (1 млн. 295 тыс. по утверждениям Османского правительства), что никакого геноцида с ними не произошло. Цифра погибших в годы I мировой войны удвоена до 600 тыс. чел., остальные видимо вымерли. Л. Марашлян обращает внимание на противоречия в рассуждениях своего оппонента. Во-первых, хотя тот и работает исключительно с понятием «армяне Анатолии», их число увеличено до 1.735.920 чел. Во-вторых, он исключает полезность армянских источников, включая данные константинопольского Патриаршества за 1912 г., если их свидетельства о 2,1 млн. чел. не совпадают с турецкими. И в-третьих, востоковед из США считает, что историю нашего народа и всего Армянского нагорья должны писать лица, «не ослепленные национальной принадлежностью».

Следует возразить, что помимо 1,7 млн. «армян Анатолии», их соотечественники проживали и в северо-западных вилайетах. Во-вторых, Дж. Маккарти сам отказывается официальным данным Турции в надежности, вводя коэффициент поправки 1,3—получается, что *четверть* армянского населения (25,5%) не попала в переписи. Между тем, если

<sup>49</sup> The Armenian Genocide, p. 22—27, 29, 33, 35, 39—40; James J. Reisd. Militarism, Partisan War and Destructive Inclinations in Ottoman Military History: 1854—1918. — „Armenian Review“, vol. 39, 1986, № 1, p. 8—18.

<sup>50</sup> Levon Marashlian. Politics and Demography. Armenians, Turks and Kurds in the Ottoman Empire. Cambridge MA, Zoryan Institute, 1991; Kemal Karpat. Ottoman Population, 1830—1914; Demographic and Social Characteristics. Madison. University of Wisconsin Press, 1985; Justin McCarthy. Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire. N. Y., New York University, 1983; J. McCarthy. The Arab World, Turkey and the Balkans (1878—1914): A Handbook of Historical Statistics. Boston, G. K. Hall and Co, 1982; J. McCarthy. The Anatolian Armenians, 1912—1922.—In: Armenians in the Ottoman Empire and Modern Turkey, 1912—1922. Istanbul, Bogazici University, 1984; J. McCarthy. Armenian Terrorism: History as Poison and Antidote.—In: International Terrorism and the Drug Connection. Ankara, Ankara University, 1984; Justin and Carolyn McCarthy, Turks and Armenians; A Manual on the Armenian Question. Wash, D. C., Assembly of Turkish American Associations, 1989.

треть всего исследования посвящена армянам, а его автор не в силах пользоваться армянскими источниками, в том числе и по незнанию языка — то возникает вопрос о правомерности делаемых им выводов. Специалист-тюрколог (может быть в силу оторванности от собственно армяноведения) видимо считает, что он имеет дело с совершенно бесхозной историей. Может ли претендовать на научность требование, чтобы историки США, Англии или Шотландии не изучали прошлого своих народов.

Приведем пример. Османское военное министерство утверждало, что в 1912 г. средняя мусульманская семья в Ванском вилайете составляла 6,69 чел., а средняя армянская семья — 4,98 чел. Между тем признается, что «армянские хозяйства были по меньшей мере такими же большими, как и мусульманские», а в городах «вероятно в среднем были выше». Если ввести для армян семейный коэффициент 6,69 (с чем Дж. Маккарти согласен), то окажется, что в провинции жило 23 тыс. неучтенных армян. Общее же число ванских христиан составило 103 тыс. чел., 91 тыс. из них — армяне.

Заметим, что и в данном случае рассчитанный коэффициент погрешности составляет 128—134%. Аналогичные данные приводил и пользующийся доверием Дж. Маккарти российский консул в Ване В. Г. Маевский. Добавим, что когда речь идет о 1922 г., востоковед из США пишет о 40% потерь армянского населения и 18% — у мусульманских жителей; причем у вторых военные потери гражданского населения на востоке составили только 9%.

Книга Л. Марашляна имеет еще одно важное достоинство. Вся ее вторая часть построена на статистике неофициальных армянских источников, а на стр. 69—110 помещены данные о численности армян и армянских сел по административным единицам, собранные на их основе. Вывод Л. Марашляна о не менее 2 млн. армян в империи вполне обоснован и подтверждает ценность статистики армянского Патриаршества за 1910 г.<sup>51</sup>

Что касается социально-психологических аспектов геноцида, то в США интенсивно используют методы устной истории и социологических опросов. Они берут начало с 1916 г., когда Арнольд Тойнби представил в Парламент Великобритании 149 свидетельских показаний, причем ряд из них принадлежал выжившим жертвам преступления. С конца 1960-х гг. в США, Канаде, Франции, Сирии, Армении, Греции и Аргентине было проведено 2400 формализованных опросов и еще 850 опросов зафиксировано в документальных фильмах.

Исследуя психологическую травму геноцида, Дональд и Лорна Миллеры подмечают, что если мужчин мучили и пытали в тюрьмах, посылали в рабские трудовые батальоны, убивали зверским образом, то все же их смерть наступала быстрее, на ранних этапах депортации. Между тем, женщины и дети подвергались менее интенсивному, но более долгому насилию, становились объектами длительных дегуман-

<sup>51</sup> L. Marashlian. Op. cit., 23—26, 31, 40—43, 47—48, 53, 64; J. McCarthy. The Arab World, Turkey and the Balkans, p. 56; Malakhia Ormanian. L'Esclavage Arménienne. Paris, 1910; Krikor Zohrab. (Marcel Leart). La Question Arménienne a la lumière des documents. Paris, Augustine Challamel, 1913; Armenian Patriarchate of Constantinople. Population Arménienne de la Turquie avant la guerre. Paris, Imprimerie H. Turabian, 1920, p. 5; Turkey. Memorandum of the Sublime Porte Communicated to the American, British, French, and Italian High Commissioners on the 12th February, 1919. Constantinople, 1919, p. 7.

зирующих процессов. Не зная, что произойдет через несколько минут, женщина постоянно оказывалась перед необходимостью *трагического выбора ради выживания*. Испытывая скорбь, страх и одиночество, опрашиваемые тем не менее обычно плакали не из-за собственных страданий, а из-за мук и смерти других людей, включая своих близких.

Были разорваны самые тесные связи, полностью устранены *порядок, предсказуемость и контролируемость событий*. Нередко терялись чувства человеческого достоинства, контроля над своей жизнью, понятия *цели и надежды*. Часто именно женщины-матери должны были решать, кто из членов семьи сможет выжить, и предпочесть ли национально-культурному сознанию физическое выживание своего ребенка, отдав его проходящему турку или курду. Сами дети и подростки испытывали страх не только смерти и насилия, но и перед возможностью быть взятыми в дом в качестве прислуги, усыновленного ребенка или будущей невесты. Те, кто оставался на время и выживал в турецких домах, часто вырастали с сильным национальным чувством, хотя они с уважением вспоминали спасавших их лиц. Подростки часто ожидали, что депортация будет короткой, однако со временем эти дети могли обнаруживать, что *их просто водят по кругу*. К тому же потеря родителей и состояние *полной покинутости* могли наступить в любой момент, и в самом раннем возрасте.<sup>52</sup>

Что же касается повседневного трагического выбора ради выживания, то жизнь часто ставила женщину-мать в такие условия, когда *логики и прагматизм* оказывались выше *сердца и сознания*. Эта ненормальность и аморальность ситуации давала настолько тяжелый и специфический жизненный опыт, что почти все его носители нуждались в помощи психотерапевта, психиатра или священника. На деле же, самым эффективным и общепринятым видом восстановления индивидуального и национального равновесия были коллективные воспоминания как вид взаимной исповеди, поминовения погибших и утверждения очень специфического вида взаимопонимания и родственности.

В таких воспоминаниях у тех, кто совершал насилия и зверства, не было *индивидуальности*, и вообще редко присутствовали исполнители геноцидных акций. В этом плане интересен социологический очерк тех, кто помогал армянам выжить. Калифорнийский университет Лос-Анджелеса провел опрос 527 человек, который показал, что 34,7% респондентов испытали помощь при депортации. Причем чаще всего помогали *мужчины* (32%) лицам *мужского* же пола (18,2%) в возрасте до 15 лет, предоставляя убежище сроком *на год и более* (20,8%). В качестве импульса действовало внутреннее побуждение *турка-крестьянина* помочь *незнакомому* (25%) человеку, причем в каждом втором случае укрываемых было более одного человека.

Только в 10% случаев содействие было вызвано личной просьбой жертвы, и только в 8,3% основывалось на личном знакомстве до 1915 г. Владение квалифицированной профессией или ремеслом мало помогало спасению человека (6,5%), взятки же оказывались действенными в 8,8% случаев. По национальному признаку эти люди были турками (23%), арабами (6%), курдами (4,5%), а также греками, ассирийцами, американскими или иными миссионерами.<sup>53</sup> Процентная разница между турками и арабами будет понятна, если учесть, что ос-

<sup>52</sup> The Armenian Genocide, p. 152—153, 161—165.

<sup>53</sup> Пересчет сделан по: The Armenian Genocide, p. 198—207.

повная часть геноцида осуществлялась во внутренних районах Османской империи.

Аналогичные свидетельства социально-психологического состояния жертвы отражены и в публикациях Р. Пирумян, Л. Алишана. Особо отметим докторскую диссертацию Рубины Пирумян «Литературные отражения катастрофы. Сравнение армянского и еврейского опыта»<sup>54</sup>. Исследователь отмечает, что травма геноцида была столь непомерной, что писателям было просто не по силам углубляться и анализировать происшедшее. Им было необходимо объяснить для себя происшедшее, освоиться в новых и чужих условиях, *выстоять, выжить*, в том числе и в творческом отношении. Лишь следующее поколение могло приступить к углубленному и многодисциплинарному изучению происшедшего вплоть до написания обобщающих исторических очерков и учебников по этой теме. Одним из таких обобщений является том Фрэнка Чока и Курта Джонассона «История и социология геноцида. Анализ и изучение событий»<sup>55</sup>.

«Каждая нация или группа с травматическим опытом чувствует себя уникальной». Тем не менее первое поколение выживших после 1915—1923 гг., особенно женщины-армянки смогли избежать западни исключительности. Многообразное и унижающее насилие в условиях, когда были разрушены все, даже семейные связи, и некого было стесняться, было направлено на то, чтобы уничтожить мораль армян и их этно-психологические черты. Тем не менее, народ в целом, и в первую очередь его женщины смогли сохранить ценность семьи как первичного ядра нации, уберечь понятие морали и воспитать армянами своих детей за счет сверх-опеки и интенсивной привязанности к ним. Уничтожение нации не состоялось\*.

<sup>54</sup> Ibid., p. 222—2.9, 340—354; Rubina Perroomian. Literary Responses to Catastrophe. A Comparison of the Armenian and the Jewish Experience. Atlanta: Scholars Press, 1993.

<sup>55</sup> The Armenian Genocide 1915—1923. A Handbook for Students and Teachers. Glendale, Ca; Armenian National Committee, Western Region 1988; Frank Chalk and Kurt Jonasson. The History and Sociology of Genocide. Analyses and Case Studies. New Haven, Yale University, 1991, p. 250—265.

\* В первой части статьи допущена неточность. Ссылка № 20 должна содержать: L. A. Davis. Op. cit., p. 160, 163, 183, 195—196; N. A., D. S., R. G. 59, Dec. File № 867.4016/269 Leslie A. Davis at Harput to Henry Morgenthau, American Embassy, Constantinople, July 24 and Dec. 30, 1915, encl. in Hoffman Phillip at Constantinople to Secretary of State, February 17, 1916; R. G. 59, 867.4016/210b Davis to Morgenthau, Sept. 7, 1915. О надуманности обвинений армян в предательстве см. также: V. Dadrian. Documentation of the Armenian Genocide in German and Austrian Sources.— In: The Widening Circle of Genocide. Genocide: A Critical Biographic Review. Vol. 3, Ed. by I. Charny. New Brunswick, N. J. Transaction, 1994.

Ссылка 21 L. A. Davis. Op. cit., p. 163; V. N. Dadrian. Genocide As a Problem of National and International Law, 251. Соответственно ссылки 20—33 смешаются на два номера — 22—35.

# ՀԱՅԵՐԻ ԶԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԹԵՄԱՆ ԱՄԵՐԻԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ (1985—1994 թթ.)

Դ. Դ. ՄԱԽՄՐԻԱՆ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Հոդվածում տրվում է Օսմանյան թուրքիայում հայերի ցեղասպանության պատմասոցիո-  
լոգիական և բաղաբաղիտական վերլուծությունը, որ հիմնված է 1985—1994 թթ. ԱՄՆ-ում  
հրապարակված աղբյուրագիտական և պատմագրական նոր տվյալների վրա: Հոդվածում մշակ-  
վում են ցեղասպանության ժողովրդագրական և հոգեբանական տեսանկյունները, լուսարոնվում  
են օսմանյան բանակում կատարված նորոգումները և բանակի դերը հասարակական կյանքում:  
Զդալի տեղ է հատկացված միսիոներների դործունեությանը թե՛ դրական, թե՛ բացասական  
առումով: Աղբյուրագիտության մեջ հետաքրքիր են ԱՄՆ-ի հետախուզական ծառայությունների  
հավաքած նյութերը, որոնք պարունակում են ոչ միայն փաստական տեղեկություններ, այլև  
բաղաբաղիտական հանձնարարություններ իրենց երկրի ղեկավարությանը:

## THE THEME OF THE ARMENIAN GENOCIDE IN THE USA HISTORIOGRAPHY (1935—1994)

D. D. MAKHMOURIAN

### S u m m a r y

The article under disposal contains historio-sociological and political analysis of  
the Armenian Genocide in the Ottoman Turkey. It's based on the new primary sour-  
ces and historiographic data, published in the U. S. during the last decade. The  
author examines demographic and psychological aspects of genocide, casts a light  
upon the Ottoman army reforms and its function in the society. A considerable  
part of the essay is devoted to the missionaries' activity, revealing both positive  
and negative sides of their work. Such original sources, as the US Intelligence service  
or Inquiry reports contain concrete items of information and the political recommen-  
dations to the state leadership are of special interest.